

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА: «НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ» И ПСЕВДОПРОБЛЕМЫ

В преддверии 200-летия Отечественной войны 1812 резко возрастает интерес к этой «вечно живой» теме российской истории со стороны профессиональных историков, музейных и архивных сотрудников, чиновников и широких кругов читателей. Но одновременно возрастает опасность увеличения количества дилетантских публикаций и ремесленных поделок, подобно тому как набегающая волна гонит перед собой мутную пену. В связи с этим у строгой науки появляется дополнительная задача – поставить предел этому потоку антинаучной литературы.

«Новый» взгляд на войну 1812 года

В своё время книга Н.А. Троицкого произвела настоящий фурор в отечественной историографии. Мы лично написали на неё положительную рецензиюⁱ, несмотря на то, что наши коллеги уже тогда обращали наше внимание на то, что автор никоим образом не расширил источниковую базу исследования, а ограничился лишь анализом научной литературы. Но тогда мы посчитали главной заслугой Троицкого его попытку «очистить» историографию от самых очевидных пороков марксистской литературы. Мы и сейчас не отказываемся от той высокой оценки.

Прошло 20 лет, и в издательстве «Омега» в серии «Загадочная Россия. *Новый взгляд*» появилось второе издание данной книги, на обложке которой указано: «*Новый взгляд* на Отечественную войну 1812 года»ⁱⁱ. После таких многообещающих ярлыков читатель вправе ожидать от переиздания этой книги чего-то поистине нового, оригинального. Повысить «рейтинг» издания призвана также солидная вступительная статья известного историографа И.А. Шеина, который подробно изложил карьеру автора книги. Он заверил читателя, что перед ним находится «2-е, исправленное и дополненное с учётом новых фактов, взглядов и суждений издание книги», и пообещал проследить «динамику развития авторских суждений, сравнив его с новой работой».

Но вскоре становится очевидным, что все попытки историографа отыскать нечто новое во 2-м издании, оказались тщетными. Вот его собственные признания: «Новая работа осталась сориентированной на марксистско-ленинские подходы к освещению темы», её «целевые установки фактически дословно взяты из первого издания книги», «Троицкий принципиально не изменил своего отношения к зарубежной историографии», «практически не изменилась источниковая база работы», «общий замысел работы не претерпел значительных трансформаций», «практически без изменений остались основные концептуальные положения», «без каких-либо принципиальных правок и дополнений остались параграфы книги», «в новой книге её автор повторил свои ранние

суждения», и, «делая заключение, историк в целом повторил свои прежние выводы» (С. 9-10, 34, 48-50, 54-55, 57, 65-66).

Вовсе не случайно Шеин вынужден констатировать: «Следует признать потерявшими на сегодняшний день актуальность авторское утверждение о том, что в нашей литературе весьма редко привлекаются иностранные источники». Уже само по себе повторение Троицким этой констатации, сделанной советскими историографами в 70–80-х гг. прошлого века в отношении советской литературы, свидетельствует о том, что он плохо знаком с новейшей российской историографией. Именно поэтому Шеин сам вынужден был привести краткий обзор современной историографии (отсутствующий в самой книге), чтобы у читателя не сложилось превратного представления об упомянутых ранее неких «кризисных явлениях», появившихся в ней в «перестроечные годы» (С. 33, 50-53).

Из современных книг Троицкий подробно раскритиковал лишь самые общие и популярные работы, авторов которых учёными никто и не считает, а о работах настоящих исследователей отозвался лишь несколькими презрительными и уничижительными фразами. Набор цитируемых и критикуемых автором зарубежных авторов до неприличия узок, включая и таких третьестепенных авторов, как Ж. Тири, Р. Делдерфилд, Р. Рьен. Он совершенно не знает современной западной историографии, хотя мог бы познакомиться с ней по работам В.Н. Земцова.

Троицкий остаётся приверженцем старой классификации отечественной историографии «по социально-классовому признаку господствовавших концепций». Полагаем, что такая периодизация несовершенна, ибо исходит не из закономерностей развития самой науки, а из господствующей идеологии. Выражение же «советская литература» некорректно, ибо это прилагательное не имело никакого отношения к науке, а служило для маскировки истинной сущности коммунистического режима; поэтому правильнее было бы называть её «марксистско-ленинской», в соответствии с основной идеологической «подавляющей» той эпохи.

В начале работы Троицкий ещё пытался быть объективным, когда подчеркнул «диалектическое своеобразие войны», поскольку «такой отсталой и реакционной державе, как царская, феодальная Россия... противоборствовала в 1812 г. буржуазная Франция – страна, которая унаследовала завоевания Великой революции» (С. 118). Но буквально тут же автор сошёл с объективного пути, свернув на дорожку пресловутого «классового подхода».

По марксистски просто он решает вопрос о характере войны: «Именно с того дня (24 июня 1812 г.), когда войска Наполеона вторглись в Россию, вопрос о характере войны решается однозначно», ибо русский народ тут же «поднялся на защиту отечества и повел с захватчиками справедливую, освободительную войну», «русские, украинские, белорусские, литовские крестьяне и горожане *сопротивлялись захватчикам*.

С приближением французов массы людей *оставляли родные места, уводя за собой всё живое*» (С. 119-120, 201). *Не ясно, правда, как можно, бегство от неприятеля называть сопротивлением ему*. Никаких доказательств того, что народ начал борьбу с захватчиками сразу от границы, автор не привёл, а его ссылка на слова Г.П. Мешетича представляет собой *наглядный пример подтасовки фактов*, поскольку мемуарист писал о времени после оставления Смоленска!

В другом месте Троицкий заявил, будто «трудовой люд России *от самой границы, как мы видели*, противодействовал снабжению врага, сжигая населённые пункты, уничтожая<...> хлеб и фураж, угоняя скот» (С. 364). На самом же деле значительная часть населения Литвы встречала наполеоновские войска как освободителей, помогала им и вредила русским, а крестьяне Белоруссии скрывались в лесах, отбиваясь от мародёров и грабя имения своих помещиков. Вовсе не мирное население уничтожало здесь запасы, а отступавшая русская армия, чаще всего казаки – свои магазины. Одним словом, никакого «народного партизанского движения» здесь не было, и первый официальный призыв к народной войне был опубликован М.Б. Барклаем де Толли лишь 1/13 августа в Смоленске.

Троицкий по-прежнему утверждает, будто в этой войне «“верхи” и “низы” России защищали от общего врага не одно и то же отечество: “верхи” боролись за отечество самодержавно-крепостническое, а “низы” – за отечество, свободное от самодержавно-крепостнического гнёта» (С. 119). Такая трактовка настроений народа выглядит наивной. Очевидно, что против самодержавия крестьянство никогда не выступало. Оно сражалось под лозунгом: «За веру! и царя!». Именно так говорил «народный герой» Г. Курин, призывая мужиков «стараться за веру, умереть за царя... Государь наших сердец, что родной он нам отец». Сомнительно также, что народ боролся ради своего социального освобождения – тому нет ни единого доказательства.

Временами автор проявляет неосведомлённость, неприличную для исследователя. Так, он именует генерала Ж.Б. Эбле «главным военным инженером Наполеона» (С. 136, 442). На самом же деле командующим инженерными войсками Великой армии являлся генерал Ф. Шасслу-Лоба, а Эбле был лишь начальником понтонных экипажей и подчинялся командующему артиллерией армии. Автор явно не читал нашу с А.А. Васильевым книгу, откуда он также узнал бы, что Великая армия, созданная для войны с Россией, была сформирована не в 1805, а по декрету от 1 апреля 1812. Княжеский титул маршала М. Нея правильно переводить не «Московский» (С. 149), а «Москворецкий (prince de la Moskowa)». Графа П. Дарю лучше именовать не «статс-секретарём» (С. 155), а «государственным секретарём» (ministre secrétaire d'État). «М.-Л. Пюибюска» Троицкий нелепо именует «оберпровиантмейстером» Великой армии (С. 420), так как на самом деле *Луи-Гийом* де Пюибюск был всего лишь *военным комиссаром* и интендантом Смоленска.

Довольно забавно в начале 21 в. читать у Троицкого описание Великой армии и её вождей, сделанное на основе цитат из книг философов, писателей и поэтов К. Маркса, Ф. Энгельса, В.Г. Белинского, Г. Гейне, В. Гюго, К.Ф. Рыльева и Л.Н. Толстого. Мы уж не говорим о том, что в зарубежной историографии имеются сотни книг и статей, специально посвящённых этим вопросам, – они автору недоступны, но он не использовал даже капитальное исследование О.В. Соколова.

Вызывает удивление принятая автором метода определять численность противоборствующих армий и их потери в отдельных сражениях на основе сравнения цифр из книг Левицкого, Бескровного, Богданова, Грюнвальда, Жилина, Тарле, Тири и т.п. авторов, хотя априори понятно, что *никто из них не вёл самостоятельных подсчётов по архивным документам*, а просто переписывали цифры у предшественников. В некоторых случаях Троицкий слепо доверяет русским документам, хотя в них цифры потерь противника всегда завышались. Так, он написал, что в бою при Кобрине 27 июля «*больше 1000 саксонцев были убиты*» (С. 206), хотя известна точная цифра убитых – *1 офицер и 108 нижних чинов*.

Автор не читал нашего исследования о «львином отступлении» отряда Д.П. Неверовского, а потому повторил выдумки советской литературы. Он бросает в атаку на *два каре* Неверовского «*пехотные полки из корпусов М. Нея и Е. Богарне*». На самом же деле русская пехота отступала не в каре, а сбившись в толпу; *всего лишь один французский пехотный полк* штурмовал Красный и в преследовании не участвовал; а корпуса Э. Боарнэ не было даже поблизости от этого городка! Автор по-прежнему заявляет, будто «Неверовский задержал французов почти на сутки» и что «*дивизия Неверовского не позволила армии Наполеона пройти к Смоленску*» (С. 215-216). Между тем, мы доказали, что всё это выдумки «патриотической» литературы, ибо «*обсервационный корпус*» (а не 27-я дивизия) Неверовского вовсе не задержал армии Наполеона, а буквально «пробежал» на восток более 50 км; французы же в тот день *просто физически не могли* добраться до Смоленска.

Не менее удивительна привычка автора ссылаться на произведения *художественной литературы*. Так, описывая действия 8-го корпуса А. Жюно под Смоленском, он сослался на роман С.Н. Голубова (С. 222), хотя в одной из статей мы наглядно показали, что в данном сюжете сей представитель «социалистического реализма» дал волю своей фантазии, двинув этот корпус в направлении, прямо противоположном реальному. Приняв на веру заявление Н. Поликарпова столетней давности, Троицкий продолжает уверять, будто бы первым партизанским отрядом в 1812 был отряд Ф.Ф. Винценгероде (С. 231, 368). Это далеко не так – первым партизанские действия начал вовсе не Барклай, а А.П. Тормасов. К тому же, это был не «партизанский отряд», а «летучий корпус», и фамилию его командира – Винцингероде – автор пишет неправильно.

Шейн уверяет, будто «наиболее существенные дополнения и изменения Троицкий внёс в содержание глав, относящихся к рассмотрению Бородинского сражения», хотя тут же критикует его за повторение выдумки о восьми атаках французов на Багратионовы «флешы» (С. 58, 60). С этим заявлением трудно согласиться. Нет никаких следов того, чтобы Троицкий использовал десятки статей и книг об этой битве, вышедшие за последние 20 лет из под пера настоящих исследователей, а не тех «плагиаторов и мародёров», которых сам он с упоением критикует. Лишь улыбку может вызвать ссылка автора на книги Ф. Меринга и В. Скотта при определении численности наполеоновской армии при Бородино, при полнейшем незнании нашего с Васильевым, а также Земцова специальных исследований по данному вопросу. Точно также не знает он нашей статьи о назначении и расположении 3-го корпуса Тучкова и о том, что сделал в этой связи Л.Л. Беннигсен.

Укрепления у д. Семёновское Троицкий по старинке именуется «флешами», хотя два из них были именно *люнетами*. Он продолжает писать о восьми атаках на Багратионовы «флешы» (С. 261, 267), хотя эта цифра была буквально «высосана из пальца» неким А. Балтийским в 1911. С большой неохотой Троицкий упомянул «*небезосновательный, хотя и небеспорный вывод*» [перл! – А.П.] Васильева и Л.Л. Ивченко о том, что Багратион был ранен вовсе не в 12, а в 9 час. Он пишет, что единственным доказательством этого является дневник Э. Сен-При, хотя существует несколько свидетельств в пользу этой хронологии. Нелепо звучит выражение Троицкого, будто «*две дивизии Жюно неожиданно для французов натолкнулись возле Утицы на 2-й корпус К.Ф. Багговута*», после чего «*Жюно был отброшен войсками Багговута к Утицкому лесу*» (С. 268). Здесь что ни слово, то враки. В Утицкий лес поначалу вступила лишь *одна* дивизия 8-го корпуса, состоявшего не из французов, а из *вестфальцев*; наткнулась она не на весь 2-й корпус, а лишь на *одну из его бригад*. Корпус Жюно действовал вовсе не возле Утицы и не мог быть отброшен к лесу, *внутри* которого он сражался! Настоятельно рекомендуем автору почитать наши статьи, посвящённые данному сюжету.

Автор повторил старую выдумку о том, будто лейб-гвардии Финляндский полк, вместе с Литовским и Измайловским, отражал атаки французской кавалерии к югу от Семёновской (С. 269). Советуем ему почитать нашу статью, из которой он узнает, где же на самом деле сражались финляндцы. Троицкий заявил, будто во время демонстрации кавалерии Платова и Уварова Наполеон «сам помчался к д. Беззубово» (С. 279). Рекомендуем автору внимательно перечитать нашу книжку об этом сюжете, где доказано, что император к этой деревне в тот момент точно не ездил.

Неверно и выражение Троицкого о том, будто генерал О. Коленкур «*живым ворвался на батарею, взял её и остался на ней мёртвым*» (С. 282). Опять вынужден отослать автора к другой нашей статье, где ясно показано,

что Коленкур пал *в 30 шагах от редута, так и не добравшись до него*, на что, кстати, указывают и все живописные изображения данного сюжета. Зачем было при этом ссылаться на *писателя В. Гюго*, если было несколько *свидетелей* этой героической смерти? Говоря о потерях высшего командного состава Великой армии в Бородинском сражении, автор ссылается на книгу П.П. Деннье (С. 293), даже не подозревая, что сведения его неточны. Наиболее точные данные он мог бы найти в одной из наших статей, а также в нашей с Васильевым книге, если бы удосужился их прочитать.

Думается, что после всего вышесказанного, у читателя не осталось более сомнений в том, каким «знатоком» Бородинской баталии на самом деле является тов. Троицкий.

Но наиболее слабой и безбожно устаревшей частью книги Троицкого является раздел «Народная война», не подвергшийся абсолютно никакой модернизации. При этом автор сознательно и надменно игнорировал выводы, сделанные нами в нескольких статьях и в монографии.

Явно подражая своему кумиру Е.В. Тарле, автор «глубокомысленно» заявил будто бы *«вся война 1812 г. со стороны России была народной, ибо она решала судьбу русского народа»*, не задумываясь о том, что многие войны в российской истории на этом «наивном» основании могут быть объявлены народными, а посему война 12-го года напрочь лишится своей особой специфичности. Мы уж не говорим о том, что в составе российской империи находился не один только *русский народ*...

Троицкий самоуверенно заявляет, что «советская историография давно уже опровергла тезис дворянских историков о том, что вождём народной войны против Наполеона был господствующий класс России, которым героически руководил... Александр I. *На деле дворянство и сам царь не столько возглавляли народную войну, сколько боялись и тормозили её*». Остаётся лишь подивиться таковой марксистской наглости, ибо *народная война была инициирована, а, следовательно, разрешена именно двумя царскими манифестами, и без активной деятельности дворянства просто не состоялась бы!* Впрочем, автор не забыл упомянуть, что именно царь «призвал дать всенародный отпор врагу», но тут же оговорился, что «инициатива народа при этом заведомо ограничивалась. Крестьяне и дворовые могли вступать в ополчение только от лица своего помещика». Диву даёшься такой «революционной наивности» автора, который способен предположить, будто бы в начале XIX в. самодержец всероссийский мог разрешить крепостным крестьянам самовольно взяться за оружие.

В изложении Троицкого только крестьяне выступают бескорыстными и самоотверженными патриотами. В патриотизме всех остальных сословий он усматривает некий изъян, обусловленный их социальным положением: дворяне защищали отечество из-за своих социальных привилегий, купечество наживалось на войне, а среди духовенства нашлось более всего предателей (интересно узнать, кто и когда доказал это последнее

утверждение?). Абсолютно непогрешимым, беззаветным защитником родины показал себя только народ. «На фоне суесловного и корыстного патриотизма привилегированных сословий выделялся своим бескорыстием и действенностью патриотизм народных масс», которые шли на неприятеля, «движимые отнюдь не сословными, а исключительно национальными интересами» (С. 349–357). Это, разумеется, явная идеализация и преувеличение. Нельзя возводить патриотические чувства народа в непогрешимый абсолют. Проявление этих чувств крестьянами было обусловлено и ограничено их социальным положением. Они были лишены возможности добровольного проявления этих чувств при наборе в ополчение. «Поголовное вооружение» дозволялось лишь населению нескольких «прифронтовых» уездов под руководством местной дворянской администрации. Всё это, конечно, не вина, а беда низшего сословия.

Что же касается бескорыстия в поведении крестьянства, то здесь марксист Троицкий вошёл в противоречие с самим собой, заявив, будто «многомиллионные массы русских крестьян» шли воевать, в надежде получить освобождение. При этом он сослался на слова К. Маркса о том, будто бы мужикам «было обещано освобождение от крепостной зависимости в награду за их патриотизм» (С. 356, 478). Так где же здесь бескорыстие? Что здесь цель, а что средство? Нет ли здесь прагматического расчёта? *Opus probandi* в данном случае лежит на том, кто согласился с мнением Маркса.

Ни одного достоверного примера, подтверждающего постулат Маркса, советские писатели привести так и не смогли. Видимо поэтому Троицкий «взял на вооружение» слова своего яркого оппонента Б.С. Абалихина: «Патриотическая, хотя и казённая, пропаганда тоже возбуждала их (неожиданно для властей) против помещиков, ибо часто употреблявшиеся слова “свобода”, “освобождение” и т.п. порождали иллюзию о ликвидации крепостной зависимости» (С. 357). Перед нами *типичный пример марксистской схоластики*, ибо совершенно непонятно, откуда у крестьян могли возникнуть такие мечтания. Можно, конечно, допустить, что отдельные лица тешили себя такими надеждами, но подобные мечтания нельзя экстраполировать на всё крестьянство. Крепостные крестьяне, отдаваемые в ополчение, знали из царского манифеста, что «по изгнании неприятеля из земли нашей всяк возвратится<...> в первобытное свое состояние и к прежним своим обязанностям». В уездах, где подавлялись крестьянские бунты, они также знали о намерении правительства сохранить в неизменности существующий социальный порядок. О необходимости сохранения верности «властям предречающим» и помещикам непрерывно вещали с амвонов.

Опровергая утверждение дворянской историографии об исключительной роли дворянского сословия в той войне, Троицкий не заметил, как встал на тот же путь абсолютизации. Только теперь, вместо одного сословия стало превозноситься другое. Между тем, известно, что

нередко богатые крестьяне покупали у помещиков крепостных людей, поставляя их в ополчение взамен себя. Да и в армию крестьяне отнюдь не всегда шли с охотой (как убеждает читателя Троицкий), они убегали или калечили себя, чему есть свидетельства. После оставления Москвы значительная часть ратников Московского и Смоленского ополчений покинула ряды и разбрелась по своим домам.

С нескрываемым удовольствием рассказав об обострении классовой борьбы крестьянства в 1812 (С. 356-359), Троицкий стыдливо умолчал, что многочисленные мятежи и грабежи поместий (нередко совершаемые мужиками вместе с неприятельскими мародёрами) затрудняли положение правительства, занятого борьбой с грозным завоевателем и отвлекали от этой войны отряды русской армии, в том числе партизан. Уже тот факт, что Наполеон думал о возможности отмены крепостного права в России, чтобы привлечь к себе крестьянство, а русское дворянство заранее опасалось такой перспективы, говорит о «потенциальной направленности» антикрепостнического движения, вектор которого был прямо противоположен борьбе за национальную независимость. Но марксисты рассматривали классовую борьбу как некую самоценность («двигатель прогресса»), и то, что в 1812 она обострилась именно из-за вторжения Великой армии и при подстрекательстве отдельных её представителей, нисколько их не смущало.

Прочитав декабристов, Троицкий резюмировал: «На защиту отечества народ поднимался в 1812 г., *как свидетельствуют очевидцы*, “не по распоряжению начальства”, а “сам собою” *с первых же дней войны, хотя не везде сразу*» (С. 362, перл!). Но это был всего лишь постулат, ибо никаких фактических доказательств своих утверждений декабристы не привели. Тот факт, что они участвовали в войне младшими офицерами гвардейских полков, ещё не доказывает, что они были очевидцами народного вооружения. К тому же, эти слова были написаны много лет спустя антиправительственно настроенными революционерами, что ставит под сомнение их объективность. Но для марксистов, с их убогим «классовым подходом», это было как раз положительным качеством.

Стремясь всячески превознести роль народа в войне, Троицкий, вслед за хронически нелюбимыми им советскими историографами пишет, что партизанское движение и ополчение, это «главные, но далеко не единственные формы борьбы народов России с агрессором». К другим, неизученным формам он вслед за ними отнёс: кордоны и дружины самообороны, строительство военных дорог, мостов и укреплений, самоотверженную работу на полях и оружейных заводах, перевозку миллионов пудов боеприпасов, продовольствия и раненых (С. 363-64). Однако последнее не является специфической особенностью 1812, этим рабочий люд занимался *во время любых войн*, а доказать, что в 12-м году он делал это с особым энтузиазмом и самоотдачей вряд ли когда-нибудь удастся на уровне фактологии. Скорее, народ ощущал это как повышение

степени эксплуатации - сам же Троицкий признаёт, что «это был принудительный, почти каторжный труд».

Вслед за теми же нелюбимыми им историографами Троицкий заявил, будто «важным, но *поныне малоисследованным* компонентом народной войны 1812 г. были разнообразные формы самозащиты населения оккупированных и прифронтовых губерний – кордоны, дружины, “охранные войска”» (С. 364). В данном случае автор либо беззастенчиво лжёт, либо проявляет непростительную для учёного мужа неосведомлённость. Во-первых, упомянутые им «народные дружины» в подавляющем числе случаев являлись звеньями так называемой «кордонной цепи», которая была создана усилиями дворянской администрации. Во-вторых, изучение этой кордонной системы было начато ещё дореволюционными историками, а ныне продолжено в статьях В.А. Бессонова и весьма подробно описано в нашей монографии (2002 г.).

Ничтоже сумняшеся, Троицкий повторил старую байку о том, будто в 1812 «русские крестьяне не один раз повторили подвиг Ивана Сусанина 200-летней давности», но при этом привёл *один единственный известный науке случай* с крестьянином Семёном Силаевым (С. 364). Между тем, мы давно уже выяснили происхождение этой легенды и установили, что, во-первых, *Силаева никоим образом нельзя сравнивать с Сусаниным, так как он вовсе не заманивал неприятеля в непроходимые дебри, а напротив отговаривал его туда идти*, заверяя, что в г. Белом собрано 700 казачьих полков! Во-вторых, выяснилось, что на самом-то деле это был не крестьянин, а помещик *Семен Силаевич Воеводский!* В итоге образ героя-крестьянина «испарился, оставив в осадке» героя-помещика.

Троицкий пишет, будто «народ не просто *откликнулся* на царский манифест 18 июля о созыве ополчения, но *даже опередил царя*: на Смоленщине *крестьяне пошли в ополчение ещё до манифеста*». Сия фраза пахнет клинкой, *ибо каким образом мужики могли пойти в ополчение до того, как было объявлено о его созыве?* Да и как могли крепостные «откликнуться» на приказ царя, если их об этом никто не спрашивал? При этом Троицкий сослался на книгу печально известного фальсификатора Бабкина, где, *впрочем, таких данных нет, а лишь указаны даты, непонятно, по какому стилю*. У этого же мистификатора автор охотно позаимствовал весьма сомнительное утверждение, будто бы «во “внеополчающихся” губерниях *пришли* в ополчение 100 тыс. ратников» и «больше 120 тыс. ополченцев присоединились к регулярной армии и *начали боевые действия уже в тарутинский период*». Впрочем, автор оговорился, что «данные В.И. Бабкина нуждаются в некоторых уточнениях, но *все они документированы*» (С. 365–367). Последнее утверждение абсолютно не соответствует истине, и все цифры, приведённые Бабкиным, нуждаются в обязательной перепроверке.

Совершенно не соответствует действительности заявление Троицкого, будто «с началом контрнаступления *вся* ополченская армия<...> *приняла*

участие в боях». На самом деле, помимо московских ополченцев, включённых в состав регулярных частей, в боевых действиях участвовали только Петербургское ополчение и лишь *отдельные части* Калужского, Тверского и Черниговского ополчений.

Весьма двусмысленно звучит его фраза о том, что «к организации народного ополчения 1812 г. были *причастны лучшие люди из дворян*» (С. 366-367). Она навязывает читателю вывод, будто бы ополчение создавал сам народ, а из дворян к этому процессу *были причастны лишь некоторые, самые прогрессивные люди*. На самом же деле всё обстояло с точностью до наоборот. С помощью такой вот казуистики «истинные марксисты» до сего дня фальсифицируют историю.

Описание партизанской войны Троицкий открывает весьма показательной фразой: «Ещё более активной, чем даже ополчение, самой *действенной формой народной войны 1812 г.* было партизанское движение. Оно с наибольшей силой воплотило в себе энергию, инициативу, патриотическое “остервенение” *русского народа*. Собственно, в 1812 г. было *два партизанских движения* – армейское и крестьянское. Развернулись они почти одновременно и развивались параллельно» (С. 367). Эта фраза является квинтэссенцией марксистского представления о народной и партизанской войне, антиисторичность которого мы развенчиваем в течение последнего десятилетия. Даже исходное определение «партизанское движение» явно позаимствовано марксистами из опыта войны 1941-1945 и к 1812 совершенно неприменимо.

Те, кого советские авторы объявили партизанами, в источниках именовались иначе: «Вооруженные обитатели, вооруженные крестьяне, *кордоны пограничные, ополчение, внутреннее охранное войско*». Д. Давыдов чётко различал «партизан и поселян», называя последних «поголовным *ополчением*», «общим и добровольным *ополчением поселян*»; он писал о «народной войне, возбуждаемой и поддерживаемой партизанами». Р. Вильсон, сообщая о высылке из армии партизанских партий, добавил: «Теперь *также* набираются многочисленные крестьянские *ополчения*, коим роздано достаточное число оружия». Под портретом Курина ныне красуется надпись: «Партизан», хотя на обороте полотна написано иное: «Предводитель *милиции*», то есть, ополчения. В листовках русского штаба партизанские отряды чётко отличались от «крестьян из прилежащих к театру войны деревень», каковые, «устраивают между собою *ополчения*». Одним словом, участники войны не называли крестьянские отряды «партизанскими».

Вслед за другими марксистами Троицкий записал «по разряду» народной войны даже партизанские отряды, высланные из *армии*, которая в 1812 вовсе не являлась народной. Лишь извращённое марксистское сознание может включить *армейские* отряды в понятие «народная война». Перечисляя командиров 10 партизанских отрядов, высланных М.И. Кутузовым из Тарутинского лагеря, Троицкий упомянул также

И.Ф. Чернозубова, В.А. Пренделя, А.С. Кожухова и С.И. Лесовского (С. 368, 380), совершенно не подозревая, что первые двое входили в корпус Винцингероде, третий – в отряд Н.Д. Кудашева (упомянутые им выше), а последний вообще не был отправлен на поиски. Непостижимым образом он привёл откровенно бредовое заявление о том, будто бы сам Наполеон дал какую-то характеристику А.С. Фигнеру, о котором он, скорее всего, и слыхом не слыхивал! Описывая славные дела российских партизан в Верее и Ляхово, Троицкий «забыл» сослаться на наши статьи и книгу, специально посвящённые этим сюжетам, а потому и по сию пору пишет, будто дивизия генерала Л. Барагэ д'Ильера входила в состав 9-го корпуса маршала К. Виктора.

Далее Троицкий заявил, будто *«партизанских отрядов из крестьян было во много раз больше, чем армейских: только на Смоленщине – до 40 общей численностью около 16 тыс. человек. А ведь они действовали по всему театру войны<...> По существу, едва ли не все крестьяне, причём обоего пола, способные носить оружие, становились тогда в зоне военных действий партизанами»* (С. 373–374). Последняя фраза является выдумкой чистой воды. При этом Троицкий ссылается вовсе не на источники, а на сочинения советских писателей, которые, в угоду «единственно верной» идеологии от души фальсифицировали показания источников. На самом деле речь опять же идёт о звеньях *кордонной цепи, созданной дворянами по призыву Барклая*.

Не иначе, как беспардонной ложью, следует назвать заявление Троицкого о том, будто *«крестьянское партизанское движение 1812 г. должным образом ещё не изучено»* (С. 374). Он самым бесцеремонным образом умалчал о десятке статей по этому вопросу, написанных нами и другими авторами в последние десятилетия. Анекдотично звучит заявление Троицкого, будто *«крестьянский партизанский» отряд Г.М. Курина «освободил Богородск»* от неприятеля, ибо из источников известно, что неприятель оставил этот город по приказу Наполеона, после чего туда вступили русские армейские отряды, а затем - части Владимирского ополчения.

Столь же смешным является заявление Троицкого, будто бы народные *«партизаны Четвертакова очистили от французов весь район Гжатска»*, поскольку французская армия по собственному почину отступила к Смоленску. С упоением описал Троицкий подвиги *«командира третьего по численности крестьянского отряда Фёдора Потапова, называвшего себя Самусем»* (С. 375). Он до сих пор не ведаёт того, что *подвиги сего героя были в полном смысле слова выдуманы* известным патриотом-баснописцем С.Н. Глинкой, скопировавшим сей образ с реального Е.В. Четвертакова!

Упомянул Троицкий и гренадера С. Еременко: *«Тяжело раненный в Смоленске, этот солдат был спасён жителями города»*, а затем *«стал партизаном и начал с того»*, что истребил неприятельский отряд из 47 чел.

(С. 375–376). На самом деле раненого выходил помещик с. Мичулова Кречетов, о котором никто из советских сочинителей по понятной причине не упоминал. Троицкий неслучайно не назвал даты описанного «подвига», намекнув, что с него только начался боевой путь этого отряда. На самом же деле данный «подвиг» был *единственным известным* деянием Ерёменко, и случился он 30 октября ст. ст., когда французы уже отступили до Смоленска. Между тем, *советский академик* Тарле, возведённый Троицким в разряд марксистского божества, написал, будто отряд Еременко начал действовать *ещё до* выступления Давыдова (который вышел на поиски 25 августа ст. ст.)!

Далее Троицкий перечислил и другие «крестьянские партизанские отряды», в том числе отряд Половцева и Анофриева из *Массальского* уезда Калужской губернии (С. 376). Но по архивным данным мы установили, что в *Мосальском* уезде помещика М.П. Нарышкина сокольник В. Половцов и бурмистр Ф. Анофриев «от баревых стрелков» набрали «50 верховых стрелков и 300 человек *для кардону*. Всегда в готовности продержали их *с дозволения г. Нарышкина на щот вотчины*» до прихода калужских ратников. Следовательно, они набрали крестьян *для кордона*, то есть по приказу губернатора, и единственный описанный в источниках «подвиг» они совершили лишь тогда, когда сюда подошли калужские ополченцы.

Просто анекдотична ссылка Троицкого на писания живописца В.В. Верещагина, который «из устных преданий стариков» узнал о подвигах старосты одной из деревень Красненского уезда Смоленской губ. Семёна Архиповича, отряд которого якобы истребил более 1,5 тыс. и взял в плен около 2 тыс. неприятелей. Архипов якобы был расстрелян по приказу Наполеона. Под пером Троицкого эта байка, сочинённая художником, обретает статус реальности – «этот *факт* запечатлён на картине Верещагина» (С. 376, 539). Автору и в голову не пришло, что в этом уезде, по которому проходила основная коммуникация французов, в котором долгое время кантонировал 9-й корпус Виктора, и повсюду шныряли отряды фуражиров, такого попросту быть не могло, а если бы даже что-то и случилось, то непременно нашло бы отражение во французских источниках.

«*Иногда* руководили крестьянскими отрядами *и представители других сословий*», – пишет Троицкий и в качестве примера приводит отряд смоленских помещиков братьев Лесли. Это ещё один пример *марксистской казуистики*. Само построение фразы должно, во-первых, навести читателя на мысль, что в большинстве случаев отрядами руководили сами крестьяне, и *лишь иногда* – дворяне, а во-вторых – в очередной раз намекнуть, что крестьяне самостоятельно собирались в отряды, а дворяне *лишь иногда* командовали ими. Разумеется, что в случае с братьями Лесли всё было с точностью до наоборот. Хорошо известно, что *именно смоленское дворянство*, «еще до получения манифеста об ополчении отправило к государю просьбу: дозволить временно вооружить до 20-ти тысяч человек».

В Сычевском уезде той же губернии предводитель дворянства Н.М. Нахимов, по словам Троицкого, «вооружил несколько *малых партизанских групп* из крестьян». На самом же деле в источниках эти отряды именовались «конные разъезды» и «ночные караулы», которые совершали поиски под руководством дворян. Они нигде не назывались «партизанами», и по сути были идентичны «кордонной цепи», наиболее развитой в Калужской губернии.

Среди других командиров «партизанских отрядов» Троицкий называет дьячков И. Скобеева и В. Рагозина (С. 377). На самом же деле Рагозин занимался разведкой для партии А. Бенкендорфа. О Скобееве же известно лишь то, что он привёл около тысячи крестьян, которые разрушили неприятельские укрепления в Верее, после того, как город был захвачен «экспедиционным отрядом» генерала И.С. Дорохова. В «партизана» его впервые превратили Бескровный и Жилин, которых во всех прочих случаях Троицкий беспощадно (и справедливо) критикует.

Особенно забавно из уст именитого профессора звучит тирада в честь прекрасного пола: «О русских женщинах-партизанках 1812 г. надо говорить особо. Простые крестьянки, они самоотверженно делили со своими мужьями, отцами, братьями тяготы их партизанской жизни, были верными их помощницами, а то и равноправными товарищами по оружию и даже иногда командирами. *Имена их, буквально за единичными исключениями, до нас не дошли*» (С. 377). Вот так, даже имена их до нас не дошли, не говоря уж об их «деяниях», но это ничуть не помешало профессору пропеть в честь анонимных героинь столь вдохновенный дифирамб! Воистину, одна только сила марксистского прозрения могла послужить основой для такого вдохновения.

Правда, в качестве примера Троицкий привёл вполне реальный персонаж – Василису Кожину, которая, по его словам, «возглавила *местный партизанский отряд* в основном из подростков и женщин». На самом же деле известно, что Василиса просто *конвоировала в тыл пленных, захваченных мужиками*, и на карикатурах она изображена *именно в виде конвоира*. Троицкий заявил, будто бы мы, говоря о Кожиной, сослались *только* на «скандальный опус Гарнича, тогда как специально о Василисе изданы несколько книг». Это, разумеется, ложь, а упомянутые Троицким «лубочные поделки» не имеют ровным счётом никакого отношения к науке. А вот обнаружить источник его «поэтического вдохновения» очень даже легко, достаточно открыть соответствующие страницы книги того же Гарнича (С. 228–229).

Троицкий упомянул также некую «кружевницу Прасковью из д. Соколово Смоленской губ.», которая «по своим подвигам едва ли уступала Василисе, а, может быть, и превосходила её». Ничтоже сумняшеся, он повторил выдумки о том, будто она убила некоего полковника. Рекомендуем ему почитать нашу статью, где указаны имена всех

«пострадавших» полковников Великой армии и определены места, где это случилось. Поражаешься такой доверчивости со стороны доктора наук, который первым делом должен помнить о понятии «критика источника». В данном случае он сослался на книжку некоего Зарина, который выдумал, будто Прасковья возглавила отряд из 20 чел. и навела такой страх на противника, что губернатор Смоленска А. Жомини доложил самому Наполеону о том, что из-за действий «неуловимой предводительницы Прасковьи» невозможно собирать провиант в Духовщицком уезде! Между тем, в этом уезде нет д. Соколово, зато известно, что здесь боролись с мародёрами помещики и чиновники при помощи казачьих партий из отряда майора К.Ф.В. Дибича 1-го.

Раздел о «народной войне» Троицкий, разумеется, завершил хлесткой, разухабистой фразой писателя Л.Н. Толстого о том, что «дубина народной войны» «гвоздила французов до тех пор, *пока не погибло всё наше шествие*», то есть, надо понимать, до западной границы империи. На самом деле, это фантазия литератора, весьма далёкая от истины, ибо народная война имела место лишь в некоторых уездах Смоленской, Московской и Калужской губерний, и завершилась она к началу ноября по причине отступления оттуда неприятеля. В ноябре же по приказу царя и Кутузова у народа стали изымать оружие посредством выкупа, а в Литве и Белоруссии народной войны вовсе не было. Мы имеем в виду, конечно, «кордоны» и народные дружины, ибо губернские ополчения вооружены были вовсе не дубинами.

Следует подчеркнуть, что Троицкий *сам не изучал по источникам ни народную, ни партизанскую войну, а просто переписал чужие выводы в той мере, в какой они соответствуют исповедуемым им марксистским постулатам*. Не случайно, что он так и не рискнул вступить с нами в открытый научный диспут по означенным выше проблемам. Обвинив нас в претензиях «на пересмотр всего и вся из того, что выявили его предшественники», он высокомерно обозвал наши статьи «легковесными», *не приведя ни единого аргументированного фактами возражения* (и сделать это он никогда не сможет). Троицкого абсолютно не интересует то, *каким способом* и откуда эти предшественники «выявили» примеры «народной войны», главное, чтобы они «лили воду на мельницу марксизма». Тут он без тени сомнения соглашался с выводами даже тех авторов, которых во всех других случаях критиковал «в хвост и в гриву».

Цитируя своих «единоверцев», Троицкий наглядно продемонстрировал современному читателю, какими способами (фантазирование, фальсификация, передёргивание или замалчивание фактов, казуистика и т.п.) советские сочинители с помощью «классового подхода» переписывали историю, *подгоняя свои заключения под заранее известный глобальный вывод* «о ведущей роли народных масс в истории». В то же время Троицкий представил и современный «марксизм в действии». Будучи не в силах оспорить ни одного из наших тезисов, дезавуирующих марксистскую методологию, он пошёл по самому простому пути – полному

замалчиванию результатов наших исследований. Но, как говорится, «нет худа без добра», и мы даже благодарны Троицкому за то, что он предоставил молодому поколению читателей возможность лично лицезреть все изъяны марксистского перелицовывания истории.

Вопрос о причинах победы России Троицкий решает по марксистски просто: «Действительный источник мощи русской армии 1812 г. надо искать... *в единении армии с народом*. Именно общенациональный подъем народных масс... стал главной причиной победы России в войне 1812 г., а народ русский (включая, естественно, и крестьян, одетых в солдатские мундиры) – главным героем войны» (С. 476–478). Такой вывод явно некорректен.

1. В феодальном государстве народ вовсе не был самостоятельной силой, способной принимать какие-либо судьбоносные решения.
2. Включать армию в понятие «народ» могут лишь схоластически мыслящие марксисты, не понимающие, что крепостные крестьяне, попадая в армию, навсегда порывали со своим прежним сословием и вступали в иное, обладавшее своими корпоративными интересами.
3. Нельзя же всерьез считать, что плохо вооруженные и необученные ополченцы и отряды самообороны смогли самостоятельно разбить огромную армию, возглавляемую величайшим полководцем.
4. Поскольку под словом «народ» принято понимать крестьянство, то при таком определении замалчивается роль в той войне прочих сословий, особенно дворян и священнослужителей, а также армии. Крестьянство составляло почти 9/10 населения страны, но вклад различных сословий в дело защиты родины отнюдь не прямолинейно коррелируется с их численным соотношением. Дворянство играло тогда руководящую и цементирующую роль, а духовенство сыграло важнейшую роль в деле религиозной пропаганды, «остервенившей» русский народ против завоевателя.

Замалчивая выводы, сделанные современными исследователями в последние десятилетия, Троицкий попытался сохранить свой имидж самого крупного знатока истории войны 1812.

Так что же в итоге получил отечественный читатель от издательства «Омега»?

Под глянцевой обложкой «нового взгляда на войну 1812» ему подсунули книгу, проповедующую безбожно устаревшие марксистско-ленинские взгляды, которые зачастую разительно отличаются от того, что реально происходило в 1812. Поэтому мы никоим образом не можем разделить наивных надежд ангажированного историографа на то, что книга Троицкого «в очередной раз станет заметным явлением в

историографии» и что его «концепция истории наполеоновского нашествия на Россию, *разработанная более двадцати лет назад*, не потеряла своей актуальности и в настоящее время». Из проведённого выше анализа видно, что эта книга находится ныне вовсе не «на острие» науки. За прошедшие 20 лет отечественная наука продвинулась далеко вперёд, а Троицкий *даже не пожелал этого заметить*. И дело здесь вовсе не в том, что он «забронзовел» от свалившейся на него известности – это было бы уж слишком пошло.

Некоторую ясность в необъяснимое поведение профессора вносит его спор с В.М. Безотосным. Троицкий заявил, что у него с оппонентом «настолько разные *методологические* позиции» в самом подходе к теме, что это делает полемику «принципиально невозможной», так как оппонент «меня понять не сможет». Удивительно слышать такое в начале 21 в.! Троицкий, как типичный продукт советской системы образования, наивно уверовал в «окончательную истину» «единственно верного» марксистско-ленинского учения и сознательно превратил себя в «раба лампы» этой «атеистической религии». Все, кто думает иначе – еретики, достойные анафемы или замалчивания. Воистину, это уже уровень религиозной веры, а не объективного научного познания.

Именно поэтому Троицкий высокомерно не пожелал учитывать того, что было сделано исследователями нового поколения. Зачем нужно было ему, марксистскому «небожителю», читать все эти «мелкотравчатые» статьи и книжонки, если «окончательная истина» открылась ему давным-давно, благодаря всего лишь истовому исповеданию «правоверной» методологии. Если же учесть, что эта «единственно верная» теория родилась во 2-й половине XIX в., а настоящие военно-исторические исследования войны 1812 закончились на трудах В.И. Харкевича в начале XX в., то можно себе представить, какой «свежести» продукт предоставило читателю издательство «Омега» в начале XXI столетия. Между тем, более 2,5 тыс. лет назад Гераклит Эфесский, прозванный «плачущим», предупреждал потомков: «Невозможно дважды войти в ту же самую реку»... Да и сам К. Маркс, которого его недалёкие последователи возвели в разряд «наивысшего божества науки», прозорливо заметил, что «история повторяется дважды: первый раз как *трагедия*, второй раз как *фарс*...».

Путешествия дилетанта, или неистребимый «зуд изобретательства»

Уж сколько раз твердили миру, что писания П.Н. Грюнберга являют собой нагляднейший пример абсолютной исторической безграмотности и беспардонного насилия над источниками и элементарной логикой, *да, видно, всё не впрок*...

В докладе, озвученном Грюнбергом в 2007, речь шла о «кроках Мутона», обнаруженных некогда Н.И. Ивановымⁱⁱⁱ. Автор преподнёс сей документ как очень важный, подобный крокам Е. Траскина в русской

армии. Впрочем, он тут же приписал их авторство «Пеле *de* Клозо, штабному полковнику в подчинении *старшему* генерал-адъютанту Наполеона» Мутону, которого он нелепо именуется «начальником штаба пехоты» (С. 26). Поясним читателю, что на самом деле фамилия полковника была Пеле-Клозо, а среди генерал-адъютантов императора *старших* не было. Точное же название должности Мутона таково: генерал-адъютант, помощник начальника Главного штаба по пехоте (*aide de camp, aide-major général de l'infanterie*)). Смехотворно выглядит дилетантская попытка автора переименовать капитана-инженер-географа 2-го класса из Реньо в Беньо (С. 28), потому что во всех французских *печатных* изданиях его фамилия указана именно как Реньо.

Нелепо заявление автора о том, будто бы карта, которой располагал Наполеон в Бородинском сражении, аналогична тому плану, который был опубликован в книге Г. Водонкура, каковой, в свою очередь, якобы был «основан на добытой французской агентурой в Санкт-Петербурге карте». Единственным тому доказательством для автора послужил тот факт, что на карте Водонкура и в рапорте Понятовского д. Утица одинаково неправильно названа Псарёва. На этом хлипком основании он тут же заявил, будто «это очевидное свидетельство того, что французской разведке в Санкт-Петербурге были проданы специально изготовленные, фальшивые карты» (С. 28, 31). Автор даже не понимает, что французами была приобретена огромная, 100-листовая карта Российской империи, на которой, из-за её масштаба, никоим образом не могло быть такой детальной картины, как на плане Водонкура!

Сделанную на «кроках Мутона» на месте Горок надпись «ouvrage» (это единственное число) можно перевести просто как «укрепление», а не «работы», как это сделал Грюнберг, «многозначительно» заключивший отсюда, будто бы эти укрепления ещё не были закончены, что почти невероятно. Кстати, слово «монастырь» по-французски пишется не «*convent*», а «*couvent*» (С. 30). Лишь малосведующий человек мог узреть в обозначении на кроках солдат Понятовского как «*polonaise*» – «пренебрежительную надпись» (С. 34), ибо французы всегда называли так своих самых надёжных союзников.

Грюнберг безосновательно обвинил автора крок (а не «кроков», как безграмотно пишет он) в том, что тот плохо изобразил местность возле слияния ручьёв Каменки и Семёновского. По его мнению, именно сложность рельефа в этом месте не позволила французам «выстроить единый фронт атаки», и в этом, якобы, заключалась «главная причина того, что предполагавшаяся атака Нея севернее Семёновского стала невозможна, и ему пришлось броситься *влево*» (С. 34, на самом деле, *вправо*). Диву даёшься от такого невежества. Маршал Ней повернул часть своих войск на «флеши» и в Утицкий лес почти сразу после перехода р. Каменка, *не доходя до этого места*. Более того, именно по этой, якобы «непроходимой»

местности чуть позже провели свою блестящую атаку саксонские и вестфальские кирасиры, захватившие укрепление на северной окраине д. Семёновское.

Затем Грюнберг в полном смысле слова «притянул за уши» кроки Мутона для того, чтобы доказать отсутствие так называемой «первой позиции» русской армии «от Шевардина вдоль правого берега Колочи к Москва-реке». Столь же схоластичны его рассуждения о том, будто Шевардинский редут *«действительно влиял на действия французов вдоль Новой Смоленской дороги, но не непосредственно»* (С. 35–36)?! Для разъяснения этой абракадабры автор зачем-то обратился к району Масловских «флешей», то есть к противоположному флангу поля боя! В этом самом месте *болезненная фантазия автора достигает уровня полнейшего бреда*, именуемого им самим «вполне обоснованной гипотезой» о том, будто бы неприятель мог совершить глубокий обход по «Гжатскому тракту» до Можайска! Для предотвращения этого обхода и были, якобы, построены Масловские «флешы» (на самом деле, *редут и два люнета*), хотя сам же автор признаёт, что огонь артиллерии оттуда не достигал этой дороги (С. 38-39)! Надо полагать, что и эти укрепления *действительно влияли на действия французов, но не непосредственно*. Да и сам этот «Гжатский тракт» в полном смысле слова выдуман автором, ибо ни на одной карте мы его не найдём, но только просёлочные дороги. На французском плане 1812 прекрасно видно, что артиллерия с этих укреплений могла накрывать огнём только три переправы через Колочь у с. Старое и Малое [1].

Грюнберг пишет, будто этот мифический тракт поначалу прикрывал арьергард К.А. Крейца, который 4 сентября якобы сражался с дивизией генерала М. Прейзинга (С. 40)! На самом деле этот отряд был направлен к с. Галышкина «для наблюдения дороги к Рузе», и изгнал из с. Мышкино некий неприятельский отряд. Кавалерия же Прейзинга в тот день теснила *казаков* совсем в другом месте (от Лусоси к д. Вёшки). Грюнберг доверчиво воспроизвёл выдумку из *записок* Крейца, будто бы 5 сентября он при д. Глазова разбил неприятельских *кирасир, 300 из которых взял в плен*. Но в *аутентичном рапорте* Крейца таких сведений нет, а лишь указано, что противник был прогнан силами всего лишь двух эскадронов. В «Итальянской армии» Богарнэ кирасир вообще не было, так что речь может идти лишь об отряде мародёров или фуражиров.

Далее Грюнберг повторил не им самим придуманную мифологему о том, будто бы русские, благодаря удачно выбранной позиции, вынудили Наполеона вести бесплодные «фронтальные атаки» на «центр» русской позиции (С. 42). Мягко говоря, в этой фразе много от лукавого. Во-первых, кто скажет, где находился «фронт» русской армии? Общая протяжённость её позиции составляла 8 км, из них правое крыло от Масловских укреплений до Центрального редута занимало 5 км, то есть *более половины протяжённости позиции*. Причём, судя по основательности возведённых

здесь укреплений, полковнику Толю о-о-очень хотелось, чтобы противник атаковал русских именно на этом пространстве. Так где же был фронт? Во-вторых, Наполеон однозначно по собственному желанию сам выбрал направление своей главной атаки! Он свернул часть своих сил с Нового Смоленского тракта ещё 5 сентября, а наследующий день, осмотрев правый фланг русской позиции и тут же осознав его неприступность и бессмысленность, просто пренебрёг им. Помимо того, Наполеон очень опасался, что любым обходным маневром он в очередной раз спугнёт русскую армию, заставив её отступить без генерального сражения. Поэтому, мягко говоря, лукавством является «воспевание» русской позиции, ибо наиболее протяжённое и укреплённое (природой и людьми) правое её крыло противник попросту проигнорировал, и ударил по менее укреплённому левому флангу! Так кому тут следует петь дифирамбы?

И уже совершенно неадекватным является заявление Грюнберга о том, будто «французов и их артиллерии в Семёновском не было», и что русские полностью сохранили здесь свою позицию до конца сражения (С. 44)! До него на такую наглую ложь отважились лишь сочинитель этой версии Толь и советский генерал-баснописец Гарнич.

Многозначительно звучит название доклада студента П.П. Грюнберга-младшего: «Известное событие, которого не было, и неизвестное событие, которое было»^{iv}. Первым делом, автор буквально «высосал из пальца проблему» – время выступления отряда Д.В. Давыдова на поиски. На самом деле никакой загадки здесь нет, ибо в рапорте П.П. Коновницыну от 2 сентября сам Давыдов прямо указал, что «выступил из армии 25 числа августа по секретной инструкции» Багратиона. Из слов «секретная инструкция» Грюнберг «высосал» ещё одно своё «открытие» – будто отряд Давыдова «не был просто партизанским, а выполнял секретную задачу главнокомандующего. Вполне естественно, что эти указания *не содержатся ни в одном документе* – в целях сохранения в тайне они, судя по всему, были даны лично Давыдову *в устной форме*» (С. 47–48). Откроем первооткрывателю одну «страшную тайну» – на самом деле эта письменная инструкция Багратиона сохранилась в бумагах Давыдова, и была опубликована ещё в 1913!

Описав «интересный» (?) маршрут движения партии Давыдова, Грюнберг «глубокомысленно» заключил, будто «изначально её целью было *наблюдение за Калужским направлением*, затем он переместился на запад и *взял под контроль Старую Смоленскую дорогу*» (С. 48). Эти слова свидетельствуют об абсолютном незнании автором особенностей той эпохи – прикрывать целые *направления* силами маленькой партии из 150 чел. можно лишь в больном воображении, так же как и *брать под контроль* основную коммуникацию неприятельской армии. Извещаем фантазёра, что Багратион «литерально» предписал Давыдову следующее: «Употребить все меры безпокоить неприятеля со стороны нашего левого фланга и старатца

забирать их фуражиров не с фланга его а в середину и в зад, растроивать их обозы, парки, ломать переправы и отнимать все способы». То есть *Давыдову изначально ставились именно партизанские задачи на Смоленском тракте в тылу неприятеля.*

Далее Грюнберг силою того же самого воображения выдумал буквально из ничего ещё один отряд, якобы высланный в этом же направлении (С. 48-49). При этом он сослался на рапорт генерала К.К. Сиверса от 22 августа, где говорится о стычках казачьей *партии* с отрядом неприятельских фуражиров. Сиверс предположил, что «неприятель весьма легко мог послать» отряд, чтобы «открыть дорогу из Гжатска в Верею». Поэтому он «испросил позволения» у Коновницына «отправить по сим предметам сильной отряд». Коновницын предписал Сиверсу «послать два эскадрона *в партию*» «для наблюдения дорог с левого фланга, от стороны Гжати к Верею идущих». Получив «испрашиваемое соизволение», Сиверс написал Багратиону: «Сейчас направляю под команду Ахтырского гусарского полка майора Дуванова два эскадрона одного полка, один эскадрон Новороссийского драгунского и тридцать два драгун стрелков из полков Киевского и Новороссийского; к сему отряду присоединяется сто пятьдесят человек казаков, я надеюсь, что сей отряд выполнит намерение *остановить несколько дерзкое фуражирование и предприятие его партии.* Майору Дуванову от меня предписано, что если узнает, что какой неприятельский отряд отправился в Верею, то чтоб он<...> нисколько не медля следовал бы в Верею, атаковал и разбил неприятеля<...> *Желаю иметь честь получить ваше одобрение.*»

Грюнберг не замечает, что речь здесь идёт всего лишь *о мелких партиях фуражиров*, и что Сиверс *просит разрешения* у Багратиона на проведение данной командировки. Кроме того, он совершенно проигнорировал наградной документ, в котором сказано, что Дуванов «августа 24 с 4-мя эскадронами на *неприятельскую пехоту* ударил с отличною храбростию, невзирая на произведенный оною сильный *ружейный огонь*, причём тяжело ранен». Следовательно, Багратион не дал разрешения на высылку отряда Дуванова, каковой затем и был ранен в Шевардинском бою *при атаке на пехоту.*

Но ничего этого автор знать не желает, ибо это противоречит его с позволения сказать «гипотезе», и посылает-таки отряд Дуванова *на несуществующую дорогу* из Гжатска на Верею, заявив, будто бы на эту дорогу указал ему «академик» Иванов, благо, что тот уже ничего подтвердить не сможет, в том числе и свой академический статус. На самом же деле, *прямой дороги из Гжатска в Верею не существует*, такая дорога туда идёт только из Можайска. Просто невероятно, чтобы в преддверии генерального сражения Багратион позволил бы послать куда-то далеко отряд линейной кавалерии. В воображении же Грюнберга, командировка Дуванова была «необходимой мерой *контроля за южным направлением*<...> направленной на предупреждение глубокого *обхода с*

юга и перехвата *важного пункта* – Вереи» (С. 49). На кой предмет противнику нужна была в тот момент Верея, автор вряд ли сможет ответить. Он плохо представляет себе возможности неприятельской армии. Помимо того он, с обычной для него лихостью дилетанта, *изобретает ещё одну, никому не ведомую «Ельнинскую дорогу»*, отличную от Старого Смоленского тракта!

При этом Грюнберг в буквальном смысле «раздувает» значимость южного направления, куда, якобы, могла направиться вся неприятельская армия. «Логика» Грюнберга такова: если даже перед генеральным сражением Кутузов отделил от армии три (а согласно его фантазии, четыре) кавалерийских отряда, то, следовательно, южное направление имело «огромное стратегическое значение». Между тем, русское командование прекрасно понимало, что Наполеон никак не мог свернуть со Смоленского тракта, ибо его целью было сразиться с русской армией. Багратион сообщил Калужскому губернатору, что «по граничности губернии Калужской с Смоленской легко случиться может, что *бродяжествующие неприятельские партии* будут доходить до пределов Калужской губернии, хотя *не для действий каковых-либо, но единственно для добычи и грабительства*». Какое «стратегическое значение» могли иметь эти отряды, состоявшие из *нескольких сотен человек лёгкой кавалерии*, направленные на северную границу Калужской губернии?

Движимый неуёмным стремлением любым способом доказать свою «гипотезу», Грюнберг «зацепился» за показания А. Мартиньена о том, будто бы 5 сентября командующий 3-м конно-егерским полком шеф эскадрона Дежан был ранен «на Тульской дороге (в авангардном деле)». А поскольку этот полк входил в бригаду генерала Э. Бордесуля, то автор, по своей привычке необузданно фантазировать, заявил, будто в этом бою «должен был» участвовать и 1-й конно-егерский полк этой бригады, командир которого полковник А.Ш. Медá был ранен как раз 5 сентября. Отсюда, как «из пальца высасывается» боевое столкновение отряда Дуванова с *бригадой Бордесуля, не упомянутое ни в одном источнике* (С. 52–53)! На самом деле труд Мартиньена содержит множество ошибок, так что доверять ему безоговорочно, по меньшей мере, наивно. Мы, например, многократно встречали там «убитых» офицеров, которые затем обнаруживались в числе пленных. Достаточно сказать, что дату ранения Меда Грюнберг взял не у Мартиньена, а из нашего с А.А. Васильевым исследования, где сказано, что тот был «смертельно ранен *ядром* в нижнюю часть живота». При этом автор «забыл», что, по данным самого Мартиньена, полковник был ранен *7 сентября!* Такой вот «избирательный подход» к одному и тому же источнику – когда тот вписывается в «гипотезу» автора, он его цитирует, а когда не лезет в её «прокрустово ложе» – игнорирует!

Автор при этом забыл, что Дуванов был ранен *в атаке на пехоту*, а не на кавалерию! На совершенно смехотворном основании – *двумя*

эскадронами Ахтырского полка при Шевардине командовал ротмистр Александрович - Грюнберг заявил, что «присутствие на Шевардинской позиции майора Дуванова *исключается*», так как тот командовал *четырьмя эскадронами* – «логика» просто «убийственная»! А поскольку «при Шевардине Дуванова *точно не было*» (?), значит, он был ранен в бою «на Тульской дороге». «В таком случае в рапорте Сиверса допущена ошибка. Точно такая же вероятность ошибки в документах Ахтырского полка», – заключил Грюнберг (С. 53). Так бывает у него всегда – если источники противоречат его «гипотезе», то они и «виноваты».

Между тем, весьма осведомлённый штабной офицер Б. Кастеллан записал в дневнике 5 сентября: «Полковник 1-го шассерского Меда получил смертельный удар *ядром*<...> Ранен подполковник Жюлиани, адъютант короля Неаполитанского». Заметим, что *оба офицера упомянуты вместе*, а о шефе эскадрона де Джулиано известно, что 5 сентября он был «ранен у *редута возле Бородино*», то есть, у Шевардинского редута. Из послужного списка Меда известно, что он «умер в Колоцком монастыре 8 сентября 1812 в восемь часов утра вследствие *удара ядром*, полученного в нижнюю часть живота *в деле авангарда 5 сентября*». В исследовании Ф. Уртуля сказано, что и Дежан был ранен 5 сентября *при Шевардино*, а Меда был «убит *ядром*». Лейтенант С.Г. Гардые, служивший в 5-й пехотной дивизии, приданной авангарду Мюрата, записал в дневнике: «Мы потеряли полковника 1-го конно-егерского полка». В истории 2-го конно-егерского полка, который входил в одну дивизию с 1-м шассерским, говорится, что «5-го вечером кавалерия Мюра напала на русский аррьергард около Шевардинского редута. Два бригадира и четыре егеря из полка попали в плен».

Такой дотошный исследователь, как В.Н. Земцов, который детально проанализировал Шевардинский бой, также пишет, что лёгкая кавалерия 1-го корпуса 5 сентября находилась в авангарде наступающей армии и во время атаки на Шевардинский редут переправилась на правый берег Колочи. Никаких *пушек и пехоты* в мифическом неприятельском отряде, выдуманном Грюнбергом, *быть не могло*. Кроме того, *совершенно необъяснимо*, зачем нужно было посылать куда-то далеко на юг бригаду Бордесуля, если по Старой Смоленской дороге двигался 5-й корпус, сам располагавший *четырьмя полками лёгкой кавалерии*? Одним словом, фантазия сочинителя *не подтверждается ни одним источником и не соответствует элементарной логике*.

Совпадение дилетантских подходов в статьях двух Грюнбергов позволяет высказать достаточно обоснованное предположение, что последний доклад был создан, по меньшей мере, в соавторстве с Грюнбергом-старшим. В очередной раз П.Н. Грюнберг продемонстрировал почтенной публике своё абсолютное невежество в сфере исторического познания; он банально не понимает разницы между понятиями «исторический источник» и «историография», и совершенно не знает такого

основополагающего для любого историка понятия, как «критика источника». С другой стороны, он с лихостью дилетанта «громит» показания тех источников, которые не укладываются в «прокрустово ложе» его «гипотез». Поскольку уже все исследователи прекрасно понимают, что из себя представляют писания сего сочинителя, остаётся неясным лишь один вопрос: зачем нужно публиковать такие опусы в научных изданиях?

В 2008 П.Н. Грюнберг «осчастливил» участников конференции в музее-панораме ещё одним своим «открытием». Ничтоже сумняшеся, он отверг общепринятое, основанное на показаниях источников, мнение о том, где находился так называемый «Утицкий курган» и как располагались войска Тучкова 1-го. Он заявил, будто на кроках Траскина дорога из Утицы к Семёновскому изображена неправильно, так как она «должна находиться» не на *западной*, а на северной окраине Утицы [2]. Совершенно непонятно, с чего это Грюнберг решил, будто на кроках дорога отходит именно *от западной* окраины деревни. На одном из экземпляров крок, принадлежавшем Коновницыну, изображена «роза ветров», ясно показывающая, что упомянутая дорога идёт именно с северной окраины деревни [3]. Кроме того, на французской карте Пресса, Шеврие и Реньо [4], начертанной в сентябре 1812, и на русской копии этой карты, изготовленной в 1815, эта дорога изображена на том же самом месте [5]. Более того, одна из трёх Багратионовых «флешей», а именно задняя, южным своим флангом обращена против этой просёлочной дороги, чтобы вести по ней огонь, в случае обхода неприятеля (правда, на всех поздних русских картах эта флешь изменила свою «ориентацию» и повернулась «лицом» на запад). Рискнём предположить, что «новоявленный Кулибин» наивно исходил из того, как изображён отряд Тучкова *на современных картах*, а именно, перед Утицей «лицом» на запад. Он не понимает, что *на кроках* этот отряд изображён иначе, а именно в соответствии с тем предназначением, которое дал ему Кутузов – ударить во фланг неприятелю, наступающему на армию Багратиона, то есть, «лицом» на север!

На упомянутых выше картах [4], на карте на французском языке, сделанной на базе крок Траскина, и на карте А. Хатова [6] Утицкий курган с *двумя вершинами* ясно виден примерно в 100 сажнях к югу от Старого Смоленского тракта. Кстати сказать, и в русских *документах* можно обнаружить эти *две вершины*. П.А. Строганов пишет, что Тучков «велел поставить *шесть орудий* батарейной роты № 1-го *на возвышенном месте*, командующим [над] французскими батареями», а подполковник Д.И. Дитерикс 6-й, возглавил батарею «из 10 легких орудий, *стоявших на горе с левого фланга батарейных 6-ти орудий*». Позже Тучков сменил эти орудия, приказав 6 пушкам 17-й батарейной роты «занять *высоты*. Неприятель, заметив движение сие, открыл сильной огонь<...> дабы не дать занять *те высоты*» (отметим множественное число). Непонятно, на каком основании Грюнберг стал искать означенный курган *значительно южнее* этого тракта на выдуманной им же самим «Ельнинской дороге», и заявил,

будто именно эту, «открытую» им возвышенность французы называли «мамелон», что *совершенно не соответствует действительности*. Для обоснования своего очередного «изобретения» автор не привёл никаких новых источников. Он лишь сослался на статью в «Военно-энциклопедическом лексиконе», по своему невежеству именуя её *источником!* На самом же деле эта статья базировалась на рапорте Строганова.

Очередное измышление Грюнберга *не имеет абсолютно никаких оснований в источниках*, и, как всегда, *противоречит элементарной логике*. Известно, что отряд Тучкова был выдвинут для прикрытия Старого Смоленского тракта, по которому можно было ожидать неприятельского обхода. В случае же, если такового обхода не последует, отряд имел задачу ударить в северном направлении, по той самой просёлочной дороге во фланг неприятелю, который будет напирать на войска Багратиона у Семёновской. *Именно поэтому совершенно невероятно, чтобы Тучков стал растягивать свою позицию далеко к югу от этой дороги, тем более что никакого противника там не было*. К тому же известно, что в этой лесистой местности располагался казачий отряд генерала А. Карпова. Сто лет назад А. Геруа уже выдвигал подобную идею, но мы уже давно доказали её *безосновательность*.

О тонкостях перевода и ушлых книгопродавцах

В последние годы в российском книгоиздательском деле наметилась тенденция к переизданию старых, дореволюционных книг. После нескольких десятилетий бесцеремонного засилья марксистской идеологизированной литературы это обстоятельство поначалу воспринималось как «глоток чистого воздуха» и вызывало живой читательский интерес. Но при внимательном чтении подобных переизданий начинаешь замечать, что не всё так радужно. Во-первых, историческая наука последние сто лет не стояла на месте, и особенно бурно развивалась за последние 20 лет, сбросив с себя путы пресловутого «классового подхода». Во-вторых, за это столетие значительные изменения претерпел и русский язык, и способы перевода с языков иностранных. Отсюда вытекает *безусловная необходимость новейших переводов и современных научных комментариев при переиздании книг столетней давности!* Однако, «новорусские» издатели думают только о прибылях, скупаются на лишние затраты и идут лёгким путём простого переиздания устаревших переводов, тем более, что об авторских правах их уже никто не спросит.

Так, в Смоленске переиздали работу Ф. Сегюра «Поход в Россию»^v. В предисловии некто Д.А. Тарасевич заметил, что «к сожалению, русские переводы произведения Сегюра являются слабыми и неполными», а после 1917 практически не переиздавалось (С. 8–9). Читатель ожидает, что теперь-то он, наконец, прочтёт современный, точный перевод. Но ничего

подобного – перед ним тот же самый допотопный дореволюционный перевод. Отсюда в тексте обнаруживается масса несуразностей. Вместо 8-го гусарского *полка* мы читаем *корпус*, и издатель вынужден пояснить, что «в армии Наполеона не было 8-го гусарского *корпуса*. Мы имеем дело с неграмотным переводом». В другом месте упомянут некий «генерал Артур», а издатель уточнил: «Правильно: генерал д'Антуар». В третьем месте читаем о неких «итальянских охотниках», и издатель вновь вынужден пояснять: «Неправильный перевод оригинала. Вероятно, имеются в виду егеря – лёгкая пехота» (С. 39, 368, 43, 369, 202, 391). Возникает вопрос – так стоило ли переиздавать столь несовершенный перевод, не лучше ли было заново перевести текст?

Прочие несуразицы в переводе издатель даже не заметил. Смешно звучит выражение «*лейтенанты* Наполеона» - это слово следовало перевести, как «помощники». По словам переводчиков, «солдатам были розданы *бисквиты* и рис»; на самом деле слово *biscuit* означает «сухарь, галета». Маршал Мюра у них размахивает *каскай*, каковую отродясь не носил. Читатель ни за что не догадается, что некий генерал Гиллье, на самом деле Барагэ д'Иллер; даже сам комментатор написал его фамилию неправильно и заявил, будто его дивизия входила в состав 9-го армейского корпуса, что, разумеется, неверно. Как абракадабра звучит перевод «генерал-аншеф генерального штаба Лорансе»; на самом деле этот генерал был начальником штаба 2-го армейского корпуса (С. 86, 114, 119, 191, 304, 336, 415, 433).

Как всегда в дореволюционных переводах иностранные фамилии часто переведены неверно. Правильно писать не Дальмон, а Дальтон, Рейдр – Рэндр, Либень – Зибайн, Джифинга – Джиффленга, Гертель – Эртель, Косиковский – Коссаковский, де Вреде – фон Вреде, Геделе – Эдле. К этому добавились банальные опечатки: не Лобо, а Лобо, *оправляясь* – *отправляясь*, Бровниковский – Брониковский (С. 47, 60, 67, 88, 202, 296, 309, 317, 344, 357).

Столь же бездарны составленные издателем примечания, написанные на уровне дремучего провинциала. Он пишет, что Сансон был начальником штаба 4-го корпуса, а на самом деле тот был начальником топографического бюро Главного штаба Великой армии. Описывая сражение при Красном 16-18 ноября, он упомянул генералов Дорссена (правильно Дорсени) и Ланабера, хотя первый из них умер в Париже ещё 24 июля, а второй – в Можайске 16 сентября. Во французской армии не было пехотных корпусов, они назывались армейскими. Многие имена комментатор переврал, например Лекульте де Кантлэ, вместо Лекутё де Кантлэ, Предзецкий, вместо Пшездецкий (Przedziecki) и т.д. В указателе имён некоторые персонажи названы, но не прокомментированы, а у других приведены только инициалы, хотя их имена не являются военной тайной. Вообще непонятно, для чего комментатор ввёл эту рубрику – он просто публично

продемонстрировал своё невежество.

Недавно был переиздан дневник вестфальского подполковника Ф.В. Лоссберга «Поход в Россию», перевод которого был сделан почти 100 лет назад^{vi}. Сам по себе это источник очень ценный и интересный, но перевод его на русский язык был неполным, причём сокращения текста нигде не были оговорены; зачастую это был не буквальный перевод, а вольный пересказ. Поэтому использовать данный текст в научных исследованиях можно лишь с большой осторожностью, непременно сравнивая его с немецким оригиналом, изданным дважды – в 1844 и 1910 гг.

В 2004 вышло в свет двухтомное переиздание отрывков из воспоминаний иностранцев, впервые выпущенное в 1912 в 3-х томах^{vii}. Первым делом, бросается в глаза несоответствие названия книги на обложке и на 2-й странице: «Наполеон в России *глазами* иностранцев», и на 3-й странице: «Наполеон в России *в воспоминаниях* иностранцев». Но оба названия бездарны, не менее безграмотно названа и 1-я книга «Нашествие *в* Москву» – видимо, директор издательства И.Е. Богат перепутала русский язык с украинской мовой. Не говоря уже о том, что слово «нашествие» не может сочетаться с предлогом «в», оно не может быть направлено и на один город! Авторы заявили, что их издание «печатается без сокращений по: Франсуа в России. 1812 г. По воспоминаниям современников-иностранцев», но и это не так. Они лишь осовременили своё издание с точки зрения языка, а всё остальное перепечатали с допотопных переводов, «осчастливив» читателя массой нелепостей и несуразиц.

Перепечатывая вводную статью 100-летней давности, книгопродавцы умудрились **на двух страницах повторить 20 ошибок!** Читайте: Дюверже был казначеем 1-го, но не армейского, а кавалерийского корпуса; Франсуа служил не в некоем *Золингенском*, а в *30 линейном* полку [привет сканеру]; Лемуан изначально служил не в 1-м корпусе, а при губернаторе Смоленской губернии генерале Шарпантье; Марбо в начале похода ещё не командовал полком; Дедем ван де Гельдер служил не в гвардии, а в 1-м армейском корпусе; Пьон де Лош – не в дивизии Морана, а в гвардейской артиллерии; Бургоэн был не «подлейтенантом», а су-лейтенантом; Роге командовал не Старой гвардией, а одной из дивизий Молодой гвардии; *Вьоне* де Марингоне (а не *Вионне* де Маренгоне) командовал не «стрелковым батальоном», а 1-м батальоном полка фюзилеров-гренадеров. Брандт служил не во «2-м привисленском легионе», а во 2-м пехотном полку Легиона Вислы; Куанье, Рапп, Лежен и Каstellлан - не в штабе гвардии, а в Главном штабе армии; Ложье – не в штабе итальянской гвардии, а в полку королевских велитов этой гвардии; Гриуа командовал не «4-м дивизионом пешей артиллерии», а конной артиллерией 3-го кавалерийского корпуса. Писать нужно не *Бетос*, а Бего, не *Иелин*, а *Йелин*, который, кстати, служил не «в контингенте», а в 25-й пехотной

дивизии; не *Лоррей*, а *Ларрэ* (который был вовсе не «лейб-хирургом» императора, а главным хирургом армии); не *Моссенбах*, а *Массенбах*; не *Вершо*, а *Варшо*, который служил не в 8-м легкоконном *польском легионе*, а в 8-м шволежерском (польском) полку (С. 8-9).

Вновь мы встречаемся с допотопными, либо неточными переводами иностранных фамилий. Вместо *Гохберг* следовало писать *Хохберг*, *Гогендорп* – *Хогендорп*, *Штейнмюллер* – *Штайнмюллер*, *Дюлалуа* – *Дулалуа*, *Дюруа* – *Деруа*, *Коланж* – *Колонж*, *Рагловиц* – *Раглович*, *Лефевр-Денуэт* – *Лефевр-Дэнуэтт*, *Клитский* – *Клицкий*, *Паулет* – *Поле*, *Беллуно* – герцог *Беллюнский*, *Хлусевич* – *Хлусович*, *Беллиар* – *Бельяр*, *Буассерфей* – *Буассероль*, *Демей* – *Демэ*, *Литуар* – *д'Антуар*, *Лагуссе* – *Лауссэ*, *Шастель* – *Шатель*, вместо *Думерка* (которого не было при *Бородино*) во французском тексте значится *Домманже*, не *Жифленга*, а *Джиффленга*, *Асселин* – *Асселен*, *Пансоль* – *Пажоль*, *Пеллепор* – *Пельпор*, *Иелинг* – *Йелин*, *Франши* – *Франки* (I. 10, 85, 95, 97, 100, 102, 111, 112, 124, 141, 149, 169, 172, 176, 181, 183, 228, 250, 259, 266-267, 480, 505), *Дегенет* – *Деженет*, *Бюрманн* – *Бёрманн*, *Фюзи* – *Фюзиль*, *Штокмейер* – *Штокмайер*, *Бодюс* – *Бодю*, *Кольрейтер* – *Кольройтер*, *Тревисский* – *Тревизский*, *Памплуа* – *Памплон*, *Воданкур* – *Водонкур*, *Кавкрин* – *Канкрин*, *Кондра* – *Кандра*, *Серюрье* – *Серюзье*, *Дюрон* – *Дюрок*, *Мазон* – *Мэзон*, *Дариюль* и *Дариул* – *Дарьюль*, *Ашодрю* – *Амодрю*, *Стойковский* – *Стоковский*, *д'Опу* – *д'Опуль*, *Фляго* – *Флао*, *Жерард* – *Жерар*, *Дамас* – *Дама*, *Фабер дю Хор* – *Фабер дю Фор*, *Бессиер* – *Бессьер*, *Сорбие* – *Сорбие*, *Рейдер* – *Рёдер* (II. 22, 66, 70-71, 74, 78-79, 83, 198, 200, 202, 226, 258, 260, 262, 297-98, 330, 345, 348, 352, 362, 363, 384, 388, 398, 403, 425, 436, 454, 482). Перевирались также названия населённых пунктов: не *Вруинково*, а *Брыньково*, *Краимское* – *Крымское*, *Повары* – *Понари* (I. 227, 232, II. 458).

В одной фразе не там поставлена запятая: «генерал *Мутон*, граф *Лобау* с тремя дивизиями, корпус *Даву*». Правильно было бы: «*Лобау* с тремя дивизиями корпуса *Даву*», потому как генерал-адъютант императора *Ж. Мутон* лишь временно командовал тремя дивизиями 1-го корпуса, пока маршал *Даву* гнался за армией *Багратиона*. *Феррари* был вовсе не командиром, а лишь капитаном 8-го гусарского полка. У *Лабом* и других французов написано вовсе не «москвичи», а «московиты». Название «*Великая армия*» нужно писать с большой, а не с маленькой буквы, а также желательно в кавычках, так как это официальное название. *Фриан* наступал не «с остатками своей дивизии», а «с остальной своей дивизией» (10, 107, 142, 159-60, 179).

Древние переводчики очень плохо разбирались в военной терминологии. Они написали «лёгкие отряды и стрелки», вместо «велиты и егеря (i veliti e i sacciatori)»; «почётную гвардию» они назвали «стражей». Иногда дело доходило до курьёзов, когда вместо 7-го полка лёгкой пехоты

писали о 1-м полку лёгкой кавалерии, который «открывает пальбу рядами», или когда «французские стрелки страдали от ружейных выстрелов, причём пули звенели, ударяясь об их латы» – здесь явно речь идёт о карабинёрах. Они переделали 7-й, 13-й, 15-й полки лёгкой пехоты в полки лёгкой кавалерии. Анекдотично звучит фраза: «2-й батальон лёгкой кавалерии, построенной в каре» (I. 133, 174, 175, 177, 179, 181, 185, 486). «Привислинский легион» (I. 183, II. 226, 257) – это неправильный перевод «legion de la Vistule», то есть «легион Вислы». Французское слово commandant они часто переводили как «командир», хотя так неофициально именовались офицеры в чине шеф батальона и шеф эскадрона, так что его следовало перевести как «коммандан». Вместо выражения «лагерные работы» во французском тексте написано «полевые укрепления»! Другая нелепица в переводе: «Капитан Бурже (поручик)» – в скобках наверняка написано adjudant, то есть «помощник». Смешно читать о русских кирасирах, которые «были бронированы только спереди; их брони и каски»; «русские кирасиры носят панцирь». Вместо «гусар» без тени сомнения написали «улан». Во французском тексте написано «avec une douzaine de chasseurs bavarois» (егерями), в русском варианте – «с баварскими стрелками»; в тексте написано «баварская лёгкая кавалерия», в переводе – «лёгкий баварский кавалерийский полк под началом графа Орнано» (I. 192, 193, 194, 199, 224, 228, 236).

Фюзелеры-гренадеры гвардии в переводе стали «гренадерскими фюзелерами». Бертье был вовсе не «старшим генералом», а начальником Главного штаба, именно так следует переводить словосочетание «major général». Нет такого звания «лейтенант подполковник», ибо lieutenant-colonel – это «подполковник», так же как нет «чина начальника дивизии», а есть чин «дивизионного генерала». Не «флигель-адъютант», а «генерал-адъютант». Adjudant-commandant это вовсе не «старший адъютант», а штабной полковник. Такая же абракадабра – «легко-карабинерский полк» (II. 93, 174, 207, 209, 222, 224, 383, 452).

Повсюду используется устаревший и неточный перевод французского слова chasseurs как «стрелки» (I. 54, 67, 79, 82, 110, 157-58, 166, 181, 198-200, 213, II. 206, 222, 224-25, 290), тогда как правильно – «конные егеря». Такая же дореволюционная болезнь – переводить французское lieutenant как «поручик», а су-лейтенант – «подлейтенант». Слово corps вовсе не всегда нужно переводить как «корпус», но иногда «отряд»; устаревшее слово «инфантерия» уже сто лет назад следовало переводить как «пехота» (II. 15, 268).

Дико звучит выражение «Виленская юнта»; во-первых, это испанское слово у нас переводят обычно как «хунта», во-вторых, непонятно, зачем это южное словцо применять к промозглой Литве? Этот орган власти официально назывался «Комиссия временного правительства». Жюмильяк был произведён не в штаб-офицеры, а в штабные полковники. Куанье

назван сначала майором, а затем поручиком; на самом деле он был су-лейтенантом. Смешно именовать французских генералов «витязями» - в тексте наверняка написано «рыцари» (II. 59, 65, 68, 188).

У Ложье написано не «*принц Евгений* готовится к сражению», а «*корпус Эжена*». Французское слово «château» применительно к России нужно переводить не «замок», а «поместье». В тексте Ложье никак не могло быть написано «сажень», но только «туаз». Смешно звучит фраза «*эскадронный командир 1-го стрелкового батальона*». Во французском тексте написано *сапёры*, а переводчик написал понтонеры (II. 127, 212, 216, 248, 263). К этому добавились бесчисленные опечатки: не 108-й, 108-го, *на* – *не*, бесчисленность – беспечность, не 14-й корпус, а 4-й, не 95-й, а 9-й, не 82-й, а 84-й полк (I. 75, 78, 96, 109, 144, 172), не Делем, а Дедем, не *что*, а *как*, не из Карлсруя, а из Карлсруэ, не место, а мост, не 20-й, а 2-й корпус, не *серез*, а *через*, не *надеты*, а *одеты*, не Ваше, а Варшо, не 21, а 1 декабря, *бузмный* – *безумный*, не 10 ноября, а 10 декабря (II. 12, 24, 173, 196, 208, 260, 262, 278, 302, 432) и т.д.

Книгопродавцы сохранили глупейший принцип первого издания, когда фамилия автора отрывка помещалась в конце текста, так что бедный читатель был вынужден каждый раз гадать, чей же это текст он читает. Столь же странно выглядит принцип наименования авторов. Чаще всего приводится одна лишь фамилия, но иногда даётся ещё и имя, а то вдруг – звание или титул, а к имени Кастеллана постоянно добавляется слово «дневник». В других случаях указано название книги: «Мемуары старого солдата», или даётся подпись «бельгийский солдат» (II. 286, 390), хотя имена этих людей известны: Калоссо и Шельтенс. Вопреки обещанию книгопродавцев, во 2-м томе исходный текст кое-где сокращён, например на с. 152 опущен отрывок из мемуаров Булара (Ч. 3. С. 115), на с. 159 – кусок из записок Бургоня (Ч. 3. С. 121), на с. 302 произвольно сокращён текст Кастеллана (Ч. 3. С. 231-32), на с. 460 пропущено несколько слов из текста Зуккова. Отрывок текста Йелина (Ч. 3. С. 276) пропущен в одном месте и вставлен в другом (С. 361, 369).

Бездарнейшим образом составлен раздел «Источники текстов» (?!). Названия использованных переводчиками книг приведены безобразным образом, без единообразия, нигде не указано место и время издания. Да современным ушлым книгопродавцам знать это неинтересно. Для них главное – *подешевле издать, да побыстрее продать...*

Какова же ценность подобных переизданий, и что предлагают они современному читателю? Отмеченные выше ляпы и несуразицы сразу заметны знатокам военной истории, но они могут быть восприняты за «чистую монету» неподготовленными читателями. К тому же, многие заявления самих мемуаристов нуждаются в уточнениях, исправлениях и пояснениях, поскольку мемуары – очень сложный источник личного происхождения. Как же должно отнестись научное сообщество к подобным переизданиям? Следует подумать над тем, каким образом можно поставить

преграду такому безграмотному тиражированию источников. На наш взгляд, самым лучшим ответом научного сообщества было бы издание новых переводов, включая не только то, что было переведено ещё до революции, но и других воспоминаний, ещё никогда не переведившихся на русский язык. Но для этого необходимы средства.

В качестве заключения заметим, что недавно высветилась ещё одна совершенно неожиданная проблема. Оказалось, что отсутствие в некоторых издательствах строгого научного редактирования публикуемых книг может привести, мягко говоря, к «головокружению от успехов» у некоторых авторов, даже серьёзно увлечённых темой. Так, в издательстве «Яуза, Эксмо» только что вышла прекрасно изданная и хорошо иллюстрированная книга И.Э. Ульянова о русской пехоте в 1812.viii К полиграфическому качеству книги претензий нет никаких. Но буквально всех исследователей и знатоков эпохи 1812 неприятно поразила аннотация, опубликованная на С. 3 и на последней странице обложки. Её анонимный автор самоуверенно, если не сказать нагло, заявляет, что «эта книга станет безусловной классикой. На это исследование будут ссылаться и через 100, и через 200 лет – как сейчас цитируют основополагающие труды Михайловского-Данилевского, Богдановича, Тарле. Именно о работах такого уровня говорят, что они “закрывают тему”».

Спору нет, Ульянов, истово увлечённый своей темой, проделал огромную работу, докопался до мельчайших деталей организации, комплектования, обучения и боевого применения русской пехоты. Но ни один трезвомыслящий исследователь не позволил бы публично петь своей книге такие неумеренные, «непропорциональные» дифирамбы. Во-первых, любой заинтересованный читатель знаком со справочниками Г.С. Габаева и А.А. Подмазо, на основе которых и составлены «Приложения» в новой книге. Во-вторых, глава «Пехота в боях» по сути является не авторским исследованием, а компиляцией трудов нескольких отечественных историков. В-третьих, и это главное, автор льстивого дифирамба совершенно не представляет себе, что капитальные исследования Михайловского-Данилевского и Богдановича с одной стороны, и книга Ульянова с другой, относятся к абсолютно разным, несоизмеримым «весовым категориям». Последняя не может идти ни в какое сравнение с трудами указанных авторитетных историков ни объёму, ни по широте охвата материала, ни по проблематике. Советуем анонимному апологету посчитать, сколько тысяч источников и десятков исследований, в том числе на нескольких европейских языках, использовали они при написании своих трудов. Да и самим издателям следует быть более объективными при составлении аннотаций к публикуемым ими книгам, чтобы не попадать впросак.

ПРИМЕЧАНИЯ

-
- ⁱ История СССР. 1990. № 2.
- ⁱⁱ Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М.: Омега, 2007 (Серия «Загадочная Россия. *Новый взгляд*»).
- ⁱⁱⁱ Грюнберг П. Н. Французская рекогносцировка 6 сентября и общая оценка русской позиции при Бородине // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. М., 2007. С. 26-46.
- ^{iv} Грюнберг П. П. Известное событие, которого не было, и неизвестное событие, которое было // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. М., 2007. С. 47–58.
- ^v Сегюр Ф. П. Поход в Россию. Записки адъютанта императора Наполеона I. Смоленск, 2003.
- ^{vi} Лосберг. Поход в Россию в 1812 г. // ВИВ. 1912. № 1, 3, 4.
- ^{vii} Французы в России. Ч. 1–3. М., 1912 ; Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев. Кн. 1-2. М.: Захар, 2004.
- ^{viii} Ульянов И. Э. 1812. Русская пехота в бою. М.: Яуза, Эксмо. 2008.